

УДК 37.014.54

А.С. Александров

SYMBOLUM «НОВОЙ» ТЕОРИИ СУДЕБНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Вера и Следователь требуют
новых познавательных средств

Ж. Делез, Ф. Гваттари
Что такое философия?

Для того, чтобы читатель составил первое мнение о «новой теории» уголовно-процессуальных (судебных) доказательств, изложим символ веры, на котором она держится. Он включает в себя аксиомы (догматы), которые не подлежат сомнению. Не потому, что они верны, а потому что любое учение нуждается в изначальных, непререкаемых канонах. В них можно верить и использовать их, но нельзя подвергать сомнению. «Истинные и первые положения – те, которые достоверны не через другие, а через самих себя. Ибо о началах знания не нужно спрашивать «почему», а каждое из этих начал само по себе должно быть достоверным» [1, с. 349]. Неклассическая эпистемология использует вместо понятия объективной истины другие: «солидарность», «общепринятость» и т.п. Познание не отражает мир, а конструирует. Конструирование придает действительности вид неразрывного и когерентного целого. Мы тоже трактуем истину прежде всего как внутреннюю согласованность, непротиворечивость знаний. Знание и познание являются самореферентными событиями.

Аксиоматические суждения, принимаемые без доказательств в качестве истинных (допущения), служат основой для построения последующих высказываний. Итак:

1. Не верую во единого Бога Отца Вседержителя. Не верую в его пророков и апостолов, а также в любые «святые писания» (хотя при случае использую их в риторической аргументации).

2. Верую, что вначале был хаос, структура – потом. Знание – это структура (система). Хаос вечен, порядок случаен. Энтропия – определяет состояние системы и знания.

3. Материя объективна и первична; разум вторичен, слаб и лукав; все истины, которых он добивается относительно. Лишь власть способна сделать истину абсолютной.

4. Человек – мера всех вещей, существующих, что они существуют и несуществующих, что они не существуют. Между тем, не существует трансцендентального «Субъекта познания» отличного от «Объекта».

5. Человеческая психика состоит из трех составляющих (эго – суперэго – ид); биологическое и социальное, эгоизм и альтруизм борются в человеке. Превалируют в его поведении эгоистические мотивы: похоть, корысть и пр. Поскольку человек зол, постольку сообществу нужны запреты и институты, поддерживающие их: церковь, мораль, право, правосудие, государство и пр.

6. Язык создан людьми в процессе эволюции, он – альфа и омега знания. Разум – это язык. Сознание имеет языковое устройство. Реальность дана человеку в языковой картине. Знаки отсылают к знакам, а уже потом – к реальным вещам. Когнитивные структуры (символическое, знаковое) делают эмпирический опыт знанием (смыслом). Нет универсальной рациональности, есть лишь различные языковые игры.

7. Все юридическое производно от речи и языка. Право – текст; инстанция права – в означающем. Судебная речь, как один из родов публичной речи, составляет основу жизнеспособности общества (открытой системы).

8. Человека судить может только человек. Правосудие – это игра. При оценке людьми поведения других людей приоритет должен отдаваться морально-этическим, а не рациональным критериям.

9. Диалектика и риторика равноценны при убеждении судей. Психика, эмоции, идеология также убедительны, как факты. Доказать – значит убедить. Доводы бывают сильные и слабые, а не истинные и неистинные.

10. Судебная вероятность доказывается вероятными средствами. В уголовно-процессуальном доказывании используются главным образом индуктивные доказательства, т.е. примерные обобщения фактических данных; принцип восхождения от абстрактного к конкретному менее употребим в судебном доказывании.

11. Судебная истина есть результат судебного разбирательства. Судебная истина должна быть правдоподобной. Судебное доказывание фактов является искусством, и это искусство в основном связано с организацией правосудия, а не с установлением «объективной истины»; скорее сам поиск истины зависит от правил судопроизводства.

12. Теория судебных доказательств более искусство, чем наука. Ее положение в культуре не обусловлено какими-либо рациональными основаниями, она является субкультурой среди других субкультур. Критика существующего составляют императив всякой свободной рефлексии. Апологетика действительности – рабская (свинская) идеология, и потому пафос отрицания действительного лучшая гарантия утверждения разумного. Каждый из 12 членов имеет значение только тогда, когда позволяет действовать в правовой сфере с наилучшим результатом.

Теперь изложим когнитивную составляющую новой теории судебных доказательств. При когнитивном подходе существенно меняется представление о сознании, о восприятии, о познании, о субъекте в целом. Противоречие между идеализмом и материализмом по поводу реальности, если не снимается, то утрачивает актуальность. То, что реальность существует на самом деле – не отрицается: субъект познания имеет дело с реальностью. Вместе с тем познающий субъект «вырезает» из реальности *по определенной модели* только то, что соотносимо с его деятельностью, направленной на приспособление к этой реальности. Знание приобретает не пассивно через органы чувств или средства коммуникации, оно активно строится субъектом, взаимодействующим с объективностью, путем совершенствования когнитивных структур.

Субъект познания и объект его познания составляют единую систему, взаимно детерминируют друг друга. Не существует предметов знания, которые были бы независимы от субъекта. Классическая схема «субъект-объект» приобретает вид «субъект-структура-объект». Новая теория постулирует *когнитивную структуру* и объясняет через нее явления «уголовно-процессуального доказывания». Знание есть порождение понятийных структур и схем восприятия и действия. Все наши знания об окружающем мире носят приблизительный характер, и их достоинство определяется их способностью дать нам лучше приспособиться к условиям существования. Искажение информации в ходе взаимодействия субъекта с реальностью носит объективный характер. Уже в процессе предшествующей осознанию часть информации *неизбежно теряется*, она отсеивается нашим когнитивным аппаратом как излишняя. Это происходит благодаря фильтрам восприятия: нейрофизиологическим, социальным, индивидуальным. Функционирование фильтров восприятия, генерализация, опущение, искажение информации

в ходе формирования когнитивных структур приводит к неустранимому расхождению между «сырой» реальностью и реальностью для субъекта, которая только и имеет смысл для каждого из нас, поскольку именно в ней проходит жизнь человека во всех ее проявлениях. Знание о явлениях реальности – это не их отражение в сознании, а скорее, реконструкция, «понимание» ее адекватно выживанию. Все это справедливо и применительно к уголовному процессу, как одному из сегментов когнитивной деятельности людей.

Нельзя более использовать метафору «отражения», служащую методологическим базисом для теории объективной истины. Познание – это приобретение и осваивание (переработка) человеком по определенным схемам, моделям информации как из внешней, так и внутренней среды с целью *адаптации к реальности*. Адаптация – способность живых организмов активно искать (или создавать) благоприятные для жизни условия, используя информацию о состоянии окружающей реальности и собственного организма. Когнитивные механизмы можно рассматривать как один из значимых факторов адаптации организмов к их среде обитания. Выживание и адекватное поведение человека обеспечивается его постоянной «настройкой» своей системы в ответ на изменение параметров среды (как внешней, так и внутренней). Для адекватного взаимодействия с реальностью человеку важно извлекать из среды не столько исчерпывающую полную информацию, сколько значимую в соответствующем контексте.

Познание реальности осуществляется не путем отражения значимых объектов, связей и отношений между ними, а посредством конструирования полезных моделей реальности, фиксирующих контекстуально значимые ее элементы и структуры. Знание надо рассматривать не с точки зрения дихотомии «правильное – неправильное», а как полезное или вредное для социально-биологического организма, включенного в систему контуров обратной связи с окружающей его средой. Поскольку ценность знания определяется его способностью дать адаптироваться к окружающей среде, постольку и уголовно-процессуальное ценно своей способностью наилучшим образом позволить обществу адаптироваться к реальности.

Замена понятия «истинность» понятием «жизнеспособность» является принципиальным. Целью познания является не объективность, а приспособление. «Полезным» является то знание, которое поддерживает жизнеспособность системы. Такова и «судебная истина» – она инструмент адаптации индивида и общества к окружающей среде. Следует говорить не об истинности судебного решения, а о его способности выполнять функцию урегулирования правового конфликта, стабилизации системы. И если судебный приговор разрушает солидарность общества, раскалывает его, противопоставляет власть народу, то содержащееся в нем знание является неверным. Суду надо стремиться познать не «объективную истину», а найти оптимальное решение в заданных обстоятельствах, такое решение, которое объединяет общество чувством солидарности и укрепляет социальную структуру.

К сказанному нельзя не прибавить того общего соображения, что ни одно знание не является единственным в своем роде. И наш подход не единственно возможный способ разрешения теоретико-познавательных проблем. Это вероятный способ решения проблем теории уголовно-процессуальных доказательств. Достоинство когнитивного подхода в том, что он игнорирует междисциплинарные барьеры и складывается из целого ряда научных областей знания: антропологии, нейрофизиологии, лингвистики, синергетики, психологии, кибернетики. Данные этих наук подтверждают наличие, условно говоря, «когнитивных структур» нашего сознания. Экспериментально установлено, что данные чувственного опыта могут быть восприняты, осмыслены, поняты

благодаря имплицитным структурам сознания, включающим множество априорных знаний о мире. Картирование мозга показывает: мозг принимает решение примерно за 30 секунд до того, как вы об этом узнаете, а решение принимается задолго до того как начинается его обсуждение. В нейронной системе свободы нет. То есть подтверждается тезис о своего рода безсубъектности [2, с. 160–171].

Свобода воли есть иллюзия. Она не является причиной наших действий, но сопутствует им. Так что надо пересмотреть такие понятия, как «внутреннее убеждение», «свобода оценки доказательств», «доказательство» и другие базовые положения доказательственного права, связанные с классическими представлениями о субъекте, о «внешней реальности», о критериях достоверности знания.

Теперь, когда экспериментально доказана несостоятельность локковской «чистой доски», выяснилось, что сенсорные данные «падают» не на чистое сознание, они записываются на сложную «знаниевую» структуру; подтвердилась и огромная роль скрытых, неявных знаний, как выраженных, так и не выраженных в языке, но хранящих в себе опыт. Сенсорная информация неполна и недостаточна для определения поведения индивида и предметного смысла сенсорных данных. Представления субъекта фиксируются знаковыми структурами, именно они позволяют «видеть» невоспринимаемое и вносить определенность при интерпретации чувственных данных.

При выработке нового представления о доказательстве методологически важно определить разницу между такими понятиями как информация, смысл, знание.

Смысл – это оценка, которую дает информации мыслящее существо, обладающее сознанием и волей. Смысл есть результат семантического соглашения. Информация не содержится в сигнале, но под его воздействием возникает у получателя. От состояния и способностей получателя она зависит едва ли не больше, чем от самого сигнала. Аналогично и со смыслом: он не содержится в информации, а создается тем, кто ее оценивает. В процессе когнитивной обработки информации происходит извлечение смысла из воспринимаемых стимулов среды.

Знание – это освоенная субъектом информация, как на уровне понимания, так и на уровне возможности использования. Знание – это осмысленная, социализированная информация, превращенная в общественное достояние. Очевидно, это имеет место и в процессе познания события преступления. Состязательность открывает субъекту дополнительные возможности, чтобы извлечь из информации, записанной на бумаге или переданной речью, нечто, позволяющее реализовать человеческую свободу выбора. Так становится очевидной необходимость учета этической, моральной составляющей судебной истины. Когнитивный подход позволяет внести ясность в эту проблему. Понятие информации безотносительно к ее ценности и смыслу не подходит для объяснения доказательства.

Доказательство – это *процедурное знание*, но не просто информация. Процедурная сторона знаний состоит в их прагматичности, направленности на использование объектов познания. «Просто данные» имеют место тогда, когда представленное не содержит того, что с ними можно или нужно предпринять. Соединение данных с процедурными знаниями позволяет создать новое знание – факт. Когда существенен учет ценности и смысла информации, а не только ее количества, тогда нужно говорить уже о *смыслах*. Поэтому для определения уголовно-процессуального доказательства применимо понятие факт. «Факт» есть информация, преобразованная посредством когнитивных структур, т.е. осмысленная, проинтерпретированная информация. Факт – это знание, в котором неизбежно наличествует искусственный, человеческий, субъективный элемент, вносимый языковыми и другими когнитивными структурами, существенно трансформирующими «исходную информацию».

В иных понятиях следует объяснить природу связи между когнитивным знанием и событием преступления. Вместо принятого в криминалистике понятия «след» предлагается понятие «знак». Субъект познания «считывает» значение знаков по когнитивной программе. В зависимости от того, как понимается структура знака: двоичная или троичная можно трактовать и структуру доказательства. Если исходить из того, что знак составляет двуединство означающего и означаемого, то источник доказательства есть *означающее*, а само доказательство – *означаемое*. Доказательство – результат не только тех последствий, которые произвело событие преступления в мире, но и результат восприятия, переработки, репрезентации в сознании этих последствий субъектом доказывания. Если след характеризует объект-объектную сторону процесса формирования доказательства, то знак – объект-субъектную.

Следует говорить о наличии в процессе «досудебных доказательств» и «судебных», уголовное дело может быть разрешено путем вынесения обвинительного приговора только на основе последних. Встает вопрос о несовершенном статусе «досудебных доказательств». Эти «фактические данные» вполне пригодны, чтобы раскрыть преступление, изобличить преступника, предотвратить совершение нового преступления, но они не составляют полного знания, поскольку не вполне обеспечивают адаптацию общества к окружающей среде: борьба с преступностью не является самоцелью уголовного процесса, и, стало быть – доказывания; не менее важная цель – защита прав личности. Только когда в полной мере доказыванием охватываются обе эти составляющие, достигнутое знание допускается как истинное/справедливое, т.е. способствует единению власти и общества.

Тема дуалистичности доказательства имеет продолжение в вопросе о конструктивном значении понятия «источник доказательства». Источники доказательств (люди, предметы, процессы) представляют собой то, из чего стороны, суд в установленном законом порядке получают факты. Само же доказательство (даже досудебное) – не просто сведение, а *процедурное знание*, т.е. уже отобрано, проинтерпретировано, истолковано согласно «партийности» субъекта доказывания, который использует факт в качестве средства выстраивания своей версии события, т.е. «реальности для себя», в правдоподобии которой он убеждает суд, т.е. стремится сделать ее «реальностью для всех».

Если источник доказательства один, то это еще не означает, что доказательство не является одним и тем же на досудебном и судебном производстве. Содержание доказательства – этот тот смысл, который получен в ходе интерпретации данных, получаемых из документа, от свидетеля и пр. Что касается объяснения причины неопределенности информационного содержимого «источника доказательства», которое распространено на практике (противники нередко интерпретируют одно и то же доказательство противоположным образом), то оно состоит в тех когнитивных структурах, через которые интерпретируют содержимое источников сведений. Сведение, содержащееся в источнике доказательства, существует в контексте позиции субъекта, его аргументации, конкретного довода, а те в свою очередь сильны своими структурными связями, которые задействуются в ходе интерпретации. В состязательном процессе интерпретационный элемент развивается до партийной пристрастности сторон, достигает острой фазы кризиса (при критике) и снимается тем, что суд отдает предпочтение наиболее правдоподобной, сильной интерпретации.

Последовательное движение от данных внешнего опыта к его идеологическому освоению в виде определенной системы смыслов составляет суть формирования из доказательства аргумента. Через диалоговые структуры, заложенные в уголовно-процессуальном праве и воспроизводимые в судебной речи, происходит понимание, реконструк-

ция события, ставшего предметом доказывания, а не снимается калька с реальности. Результатом доказывания является юридический факт, основание уголовной ответственности, т.е. производное знание, являющееся проекцией сложной моделирующей деятельности, несущей на себе печать и личности субъектов, и особенности социально-культурного *контекста*. На восприятии и оценке судом версий сторон о преступлении сказывается некая величина, характеризующая баланс сил в обществе. Получается, что субъекты доказывания доказывают истину фактами, но используют при этом источники доказательств, которые могут быть обоюдоострым оружием в борьбе за истину.

Значение состязательности состоит в том, что она запускает механизм смены контекстов понимания смысла информации, борьбы интерпретаций содержания доказательства. Состязательность более эффективно актуализирует когнитивные структуры модели, схемы: если в следственном процессе это происходит в одностороннем порядке, то состязательный режим судопроизводства позволяет определять сравнительную силу доказательств в контексте как минимум двух позиций: обвинения и защиты.

«Кризис» смысла сообщений дает нам способность воссоздавать инвариант события, достигая тем самым большей объективности в его познании. «Объективное знание» – это не копия в сознании субъекта события действительности, а его модель, которую субъект выстраивает в тесной связи с социокультурными предпосылками, традициями, оно не исчерпывается сенсорной информацией, а апробировано в прошлой практической деятельности. «Истинное знание» – это предположение, наилучшее из доступных нам в данной ситуации. Важнее практическая полезность и перспективность данного знания, а не его адекватность реальности.

Гуманитарная наука, в отличие от естественной, открывает иные когнитивные структуры в их соотношении с языком, психологией и телесностью субъекта. И в свою очередь, для уголовно-процессуального доказывания, несомненно, существуют свои специфические когнитивные структуры. Наверное, *когнитивные структуры* должны составлять особый предмет интереса новой теории доказательств.

В качестве когнитивных структур называют паттерны, репрезентации, конструкты, фреймы, скрипты, сценарии, нозмы, гелштальты, «кванты структурированного знания» и пр. Дело не в названиях когнитивных структур. Главная мысль заключается в том, что мы мыслим схематично: по когнитивным схемам, программам, картам. Когнитивная сфера представляет собой некую динамическую структуру обработки информации. Эта сфера является переходной между миром идей и миром вещей. Именно когнитивные структуры выступают необходимой предпосылкой для осуществления интерпретации исходных чувственных (сенсорных) данных, не являющихся *знанием* до их понимания и истолкования, т.е. до тех пор, пока им не будут заданы предметные смыслы.

О когнитивных структурах уголовно-процессуального доказывания можно сказать следующее. На субъективном уровне структурирование знания происходит посредством *нарративности*. Уголовно-процессуальное доказывание имеет нарративную природу, в подоснове познания и обоснования предмета доказывания лежит схематизм повествования. Рациональность основывается на нарративном понимании, присущего созданию и восприятию нормы, ибо она постоянно заимствует что-то у этого понимания, чтобы конструировать саму себя [3, с. 46].

Под «рассказом» подразумевается то, что дело, содержание доказательства представлено когерентно, а для большинства из нас, когерентность означает «полный рассказ». Полнота рассказа состоит в том, что он должен соответствовать укоренившимся верованиям об обычных причинах и следствиях в человеческих делах, она должна быть

основана на разумных обобщениях относительно развития событий. Рассказ обвинителем или защитником об обстоятельствах дела не является зеркальным отражением реального события. Нарративная структура речевых конвенций, вероятно, выступает как некоторая риторическая и идеологическая модель референции, не имеющая прямого отношения к объективной действительности, но оказывающая влияние на производство истинного знания в суде. Нарратив является форматом, который определяет, к какому виду должна быть приведена информация, чтобы можно было дать ей непротиворечивую интерпретацию; при этом другая информация будет либо игнорироваться, либо вести к бессмысленным результатам. Нарратив – это когнитивная канва доказывания, глубинная структура, предопределяющая логическую структуру, формальную правильность (допустимость), этическую корректность.

Нарративный формат предполагает связь контента с определенным набором стилистических средств. Видимо, в принципиальном плане повествование о преступлении и наказании может быть или *монологичным*, или *диалогичным*. Это основа для жанрового разнообразия. Формат жанра связан с определенными типами построения целого, типичностью композиции, типами отношения говорящего к другим участникам, т.е. можно говорить об определенном тематическом и стилистическом единстве. Типологию можно распространить на сюжетные линии, роли участников процесса, поскольку жанр характеризуется типическими композиционно-жанровыми формами завершения.

Состязательный нарратив – это судебная драма. Следственный нарратив – это следственный протокол, в подоснове монолог власти, которая не нуждается в ответной реакции аудитории. Досудебная драма, драматический эффект в принципе невозможны при следственном нарративе, поскольку он развивается не через диалог, а главное при нем игнорируется аудитория. Между тем, наилучшим средством адаптирования общества и отдельных его членов к условиям существования является спектакль, игра, т.е. судебная драма.

Судебная драма, строящаяся в форме диалога сторон, репрезентирует комментируемый мир в мир, где все собеседники взаимодействуют с рассказываемым содержанием, и сами непосредственно затронуты действием. *Судебная криминальная драма* – это жанр, производный от судебной речи (рода публичной речи). Данный жанр является одним из способов организации знаков (доказательств) в систему, т.е. тематическое единство. Судебная драма есть «расковычивание», архетипического знания о запрете, которое заложено в сознании каждого человека, в ней проговаривается то, что принято за истину о преступлении и воздаянии за него.

Судебным деятелям надо разыграть спектакль, чтобы актуализировать в сознании аудитории те представления о справедливости, правде, добре, которые усвоены каждым сопричастным с повествовательной культурой. Поэтому чтобы быть убедительным юристу необходимо рассказать суду «хорошую историю», связать свою позицию с силами добра, являющимися таковыми в представлении аудитории, задействовать те когнитивные структуры, которые нужно разделить с нею ее представления.

Есть *глобальная* когнитивная структура, управляющая производством знания в масштабах общества, существующего в определенной системе культурно-исторических координат. Мы назвали ее *диспозитив доказывания*. За не имением возможности развить эту тему в рамках данной статьи, ограничимся лишь указанием на то, что его можно уподобить навигационной системе уголовного судопроизводства [4, с. 115; 5, с. 473].

Если уголовный процесс – инструмент адаптации общества к условиям существования, то лингво-социо-психическая система, которая объединяет в единый ансамбль

мозг, тело и внешнее окружение познающего субъекта, определяет общий контур правильности знания. Коллективные организованные системы, состоящие из взаимодействующих агентов и их окружения являются субъектами познания. Вот это когнитивное устройство познания, отвечающее за возможность производство смыслов в уголовном судопроизводстве (чем и является собственно доказывание), предлагается назвать «диспозитивом». Мы думаем, что оцениваем знание в соответствии с действительностью, а на самом деле наше познание детерминировано культурно закрепленными социально-культурными когнитивными паттернами – языком, правовыми, моральными нормами, предрассудками, стереотипами и т.д., составляющими «диспозитив доказывания».

В заключение должен констатировать, что когнитивный подход не может исчерпать проблематику судебного доказывания. Причин этому много. Во-первых, уголовно-процессуальное доказывание нельзя свести к информационным процессам нельзя, поскольку – это борьба, война, где властвуют страсти и аффекты. Когнитивный подход недостаточен для объяснения влияния аффектов, страстей, эмоций, которые неизбежны при расследовании обстоятельств уголовного дела, в ситуации конфликта интересов. Человеческие эмоции, интуиции и креативности далеки от строгой рациональности. Во-вторых, на уголовно-процессуальное доказывание полезно посмотреть, учитывая предпочтения, убеждения, оценки, сформировавшиеся установки конкретного человека, страта, общества. Ценности, идеология оказываются за скобками информационного подхода, а ведь без них уголовно-процессуальное доказывание, как правовой деятельности невозможно. В-третьих, нельзя сводить человеческое к чистой информации потому, что важнейшей чертой человеческого интеллекта является воля. Возможно, с рациональной точки зрения «примеси» в виде идеологии, психологии искажают «объективность» доказывания. Но опыт свидетельствует, что так они есть, и их игнорировать нельзя. Это приводит к необходимости дополнить когнитивный аспект доказывания *риторическим*. Так что помимо тезиса о стереотипах мышления, которые необходимо задействовать субъекту доказывания, надо признать право на существование в теории доказательств в качестве самостоятельного феномена *риторическую аргументацию, где рациональное убеждение сочетается с психическим воздействием*. Психологические фонны, очевидно, не имеют отношения ни к логике, ни и к диалектике. Но они оказываются чрезвычайно способными к тому, чтобы быть вовлеченными (в качестве катализатора или тормоза) в процесс судебного доказывания.

СПІСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Аристотель, Толика / Аристотель // Соч. в 4 т. – М., 1978. – Т. 2. – 349 с.
2. Делез, Ж. Фуко / Ж. Делез; перевод с франц. – М. : Изд-во гуманит. лит., 1998. – С. 160–171.
3. Рикер, П. Время и рассказ : в 2-х т. / П. Рикер – М. – СПб. : Университ. книга, 2000. – Т. 2: Конфигурация в вымышленном рассказе. – С. 46.
4. Александров, А.С. Введение в судебную лингвистику : монография / А.С. Александров. – Н. Новгород : Нижегород. правовая академия, 2003. – 419 с.
5. Александров, А.С. Диспозитив доказывания и аргументация в уголовном судопроизводстве / А.С. Александров. // Рос. ежегодник теории права. – № 1. – 2008 / Под ред. д-ра юрид. наук А.В. Полякова. – СПб. : ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2009. – С. 473–497.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.04.2012